Цѣна 25 р.

Арго.

Старая Англія

ТИПОГРАФІЯ и ЛИТОГРАФІЯ
М. ЗИЛЬБЕРБЕРГЪ и С-вья.
ХАРЬКОВЪ,
Донецъ-Захаржевская ул., № 6.

Арго.

Старая Англія

СТИХИ.

1919.

Издательство „LITERA“
Харьковъ.

Настоящая книга отпечатана въ количествѣ 490 нумерованныхъ экземпляровъ и 10 экземпляровъ именныхъ.

Экземпляръ № 200

„Тихому мальчику"
Вячеславу
Ковалевскому

I.

СТИХИ О СТАРОЙ АНГЛІИ

от слоноподобного

Москва
11 Августа

Николаю Адуеву
посвящаю

А

1. ВСТУПЛЕНІЕ.

Вся жизнь проста, какъ Евангеліе,
Какъ гуляки пѣснь, весела.
—О, шальная, старая Англія,
Ты время свое отжила!

Жизнь была беззавѣтнѣе,
Не бѣлѣли еще парики...
—О, время Елизаветино,—
Кружевные воротники,

Одежды яркія, пестрыя,
Бородокъ тонкій клинъ,
И шпаги длинныя, острыя,
И смѣсь изъ любви и винъ...

Забава идетъ за забавою,
Королева правитъ, какъ мать,
И про Марію Кровавую
Не станетъ никто вспоминать...

О, годы прадѣдовъ Диккенса,
Грубыхъ веселыхъ рѣчей...
Какъ заманчива ржавая вывѣска
Таверны «Трехъ грачей»!

Въ небѣ слегка туманится
Облаковъ карусель,
А въ трактирѣ рыжiе пьяницы
Пьютъ сидръ и прозрачный эль.

Судья на законы плачется,
А рыцарь ловокъ, какъ бѣсъ,
Любезничаетъ съ кабатчицей,
Рукой опершись на эфесъ...

...Дѣвушки въ день майскаго праздника
У дубка хороводъ ведутъ,
А ночью эльфы проказники
Влюбленнымъ сигналы даютъ.

Когда къ нимъ весна бросается,
И несетъ черемуху, тминъ,
Бѣлокурыя ждутъ красавицы,
Придетъ ли къ нимъ Валентинъ...

Вся жизнь, какъ гимнъ благодарственный,
Всѣ дни—беззаботный пиръ...
—О, время весталки царственной,
И твое, веселый Шекспиръ!

1918. Мартъ.
Москва.

2. КАБАКЪ (деталь).

Тяжелый воздухъ табакомъ пропитанъ,
Гулъ голосовъ гудитъ, какъ океанъ.
Слуга заснулъ—подъ лѣстницей храпитъ онъ,
Въ рукахъ сжимая оловянный жбанъ.

Румяная трактирщица хлопочетъ,
На смѣну блюдамъ кувшины несетъ.
Судья глаза таращитъ и хохочетъ,
Жуя какой то старый анекдотъ.

Клеркъ говоритъ, что завтра онъ поѣдетъ
На празднество въ Виндзоръ, и тянетъ эль.
Въ камзолѣ черномъ полупьяно цѣдитъ
Сквозь зубы пѣсню рыжiй менестрель.

Съ веселой дѣвкою заводитъ шашни
Бродячiй акробатъ—случайный гость.
—Нѣтъ уголка на свѣтѣ безшабашнѣй,
Чѣмъ кабачекъ «Обглоданная Кость»!

И только здѣсь, въ проплеванномъ трактирѣ,
На отдыхѣ увидѣть суждено,
Перу писца и рыцаря рапирѣ
На кровь и не чернила, а вино!

Съ разсвѣтомъ тишь въ трактирѣ воцарится
И гости пьяные, уснутъ, уставъ...
—Не кажется ль, что этотъ толстый рыцарь
Никто иной, какъ храбрый сэръ Фальстафъ?

3. ВИЛЛІАМЪ ШЕКСПИРЪ, ЭСКВАЙРЪ.

Посвящается
Якову Галицкому.

Загадкой безъ начала и конца
Весь обликъ Вашъ таинственный обвѣянъ:
Никто не видѣлъ Вашего лица,
Никто и въ Вашей жизни не увѣренъ.

Звенитъ, какъ арфа и гремитъ, какъ громъ,
Мнѣ каждый стихъ Вашъ ясенъ, полнозвученъ.
Я знаю, что былъ Гамлетъ слишкомъ тученъ,
А злобный Ричардъ былъ горбатъ и хромъ.

Я вижу душу нѣжной Дездемоны,
Звенящую, какъ дальніе псалмы,
И Мавра взглядъ, ревнивый и влюбленный
Изъ подъ широкой шелковой чалмы,

И медленно ползущій на Макбэта
Грозой возмездія Бирнамскій боръ...
Я вижу все—но только не поэта,
Что вычертилъ чарующій узоръ.

И мысль приходитъ остро, зло и четко:
Что если выдумала Васъ судьба,
И не было ни остренькой бородки,
Ни царственнаго, мыслящаго лба?

И вдругъ Вы не Шекспиръ, а мудрый Бэконъ,
Иль графъ Эссексъ, иль лордъ Саутгэмптонъ...
Вы были созданы могучимъ вѣкомъ,
Чтобъ оживить безжизненный картонъ!

И Ваши бури въ маленькомъ театрѣ,
Летя съ подмостковъ шаткихъ до райка,
Будили жалость къ лэди Клеопатрѣ,
И эта жалость нынѣ намъ близка.

Вашъ нѣжный обликъ чаще и влюбленнѣй
Ловить я буду сквозь могильный тлѣнъ...
Я буду помнить: Стрэтфордъ на Авонѣ...
Миссъ Анна Хэсвей... Лондонъ... Друриленъ...

Я буду видѣть сцену съ полусвѣтомъ...
И Васъ на сценѣ... И гудящій залъ...
Какая радость быть на „Вы" съ поэтомъ,
Котораго никто, никто не зналъ!

1919 г. 2 Іюля
Москва.

4. АКТЕРЪ

На равнинѣ чахлыя травы.
На равнинѣ туманъ зыбучій.
Въ небѣ пронзительный громъ.

Три старухи, злы и костлявы,
Встали, какъ грозныя тучи,
Предъ могучимъ вождемъ.

Губъ шевелятся огрызки,
Голоса ихъ, грубы и жестки,
Твердятъ, какъ старую роль:

—„Привѣтъ, Макбэтъ, танъ Гламисскій!
—„Привѣтъ, Макбэтъ, танъ Кавдорскій!
—«Привѣтъ, шотландскій король!

Сулятъ ему славу, славу,
И почести, и награды
И даже Дункановъ тронъ...

Но сердце вождя не радо:
Впередъ дорогой кровавой
Итти не хочетъ онъ...

И видитъ въ туманной гущѣ,
Что ему бороться ужъ не съ чѣмъ—
Ни съ людьми, ни съ самимъ собой.

* *
*

И какъ не вѣрить зловѣщимъ,
Когда ему Всемогущей
Путь указанъ Судьбой?

5. ЧЕРНЫЙ ПИРАТЪ

Въ морѣ волны, какъ тучи,
Тучи, волны какъ будто.
Бригъ накренился круче,
И брюхо паруса вздуто,

Вѣтеръ рѣзче и рѣзче—
И шумъ, и разгулъ, и ярость!
И дыбится флагъ зловѣщій,
И тужится крѣпкій парусъ!

* * *

Волны миговъ быстрѣе,
Пощады нѣтъ парусамъ—
Указательный палецъ реи
Тяжело грозитъ небесамъ!

Корабль, проворнѣе щепки,
Ныряетъ въ водную пыль...
На палубѣ четырнадцать крѣпкихъ
Матросовъ и юнга Билль!

И смотритъ со страхомъ берегъ
На знамя своихъ гостей:—
На знамени черный черепъ,
Подъ черепомъ пара костей!

На окраинахъ дальнихъ селеній
Тревожно гудитъ набатъ.
Матери на колѣни
Ставятъ малыхъ ребятъ.

И они, глазами моргая,
Повторяя за слогомъ слогъ,
Молятся, не понимая,
Чтобъ *имъ не далъ спасенья Богъ!*

Даже въ дальнихъ странахъ заката,
Гдѣ въ степи рѣзвится мустангъ,
Имя Ральфа—пирата
У всѣхъ, у всѣхъ на устахъ:

Голова, какъ мозоль титана,
Руки—корабельный канатъ...
—Кто не слышалъ про капитана?
Кому не страшенъ пиратъ?.

* * *

Портъ уже виденъ близкій,
Тамъ получитъ корсаръ
Золото, женщинъ и виски
Въ обмѣнъ на живой товаръ.

6. ГОРАЦІО

Мой бѣдный принцъ, сегодня вы грустнѣе,
Сегодня Вы грустнѣе, чѣмъ всегда.
Въ глазахъ—тоски застывшая слюда
И эта боль—Вы не-разлучны съ нею.

Въ одной рукѣ полуоткрытый томъ,
Ненужной, глупой мудрости учебникъ
И Вы, какъ старый, старый магъ-волшебникъ,
Хотите знать, что будетъ тамъ, потомъ...

Но вотъ рука другая задрожала,
Какъ будто грозный призракъ пробѣжалъ,
И на цѣпочкѣ золотой кинжалъ
Сплетеніями тонкихъ пальцевъ сжала!.

Зачѣмъ ничтожный царствуетъ король?
Зачѣмъ назойливо Полоній мямлитъ?
Ахъ, Вы страдаете мой бѣдный Гамлетъ,
Я чувствую въ столѣтьяхъ Вашу боль!

Однимъ рыдаю съ Вами я рыданьемъ,
Одною скорбью съ Вами я скорблю...
Моимъ, какъ Вашимъ, нѣтъ конца страданьямъ—
Мой бѣдный, блѣдный принцъ, я Васъ люблю!.

3. Ноября 1917 г.
Москва.

7. МИСТЕРУ СКРУДЖУ

Комната, какъ будто нежилая,
Вымершая, выцвѣтшая будто.
Вашъ каминъ, безрадостно пылая,
Не даетъ ни ласки, ни уюта.

Вижу Вашъ сухой, колючій профиль,
Вашъ халатъ, поношенный и старый—
Пьете Вы—не помню—чай-ли, кофе-ль?...
Вспомнилъ! Кофе изъ ячменнаго отвара!

Бѣдный мистеръ Скруджъ! Въ мгновенья эти
Не любить никто Васъ не посмѣетъ—
Вы вѣдь никого не любите на свѣтѣ,
И никто, никто Васъ не жалѣетъ.

Ваше сердце всѣ волненья прячетъ,
Никогда не стынетъ въ четкой дрожи...
Что для Васъ участье Боба Кратчитъ?
Что для Васъ насмѣшки молодежи?

Вы познали строгій методъ и анализъ,
Только разъ блѣднѣй Вы стали марли,
Только разъ Вы ночью испугались,
Видя призракъ умершаго Марли.

Пусть смѣются люди молодые,
Хоть они уже развязны слишкомъ!
Суждено Вамъ видѣть сны зато такіе,
Что не снятся этимъ маленькимъ людишкамъ!

Я увѣренъ: злой и безсердечный,
Вы затѣмъ носили эту маску,
Для того Вы прожили, конечно,
Чтобъ войти въ рождественскую сказку,

Чтобъ сидѣть со мною рядомъ, тутъ-же,
Зимними, глухими вечерами,
Чтобы Диккенсъ понялъ душу Скруджа,
А поэтъ воспѣлъ ее стихами.

8. Сонъ въ зимнюю ночь

Посвящается Н. М.

Я заблудился въ тѣсномъ лабиринтѣ
Усталыхъ мыслей—вязнущихъ ліанъ...
Малютка Пукъ, я Васъ прошу—покиньте
На эту ночь тяжелый фоліантъ.

. . . .

Малютка Пукъ—веселый, шаловливый,
Временъ безпутныхъ стародавній другъ—
Какъ много прежде радости несли Вы,
Какъ былъ знакомъ любовный Вамъ недугъ!

Вы не Амуръ, хотя сродни Амуру,
Васъ духъ Веселой Англіи соткалъ...
Покиньте пожелтѣвшую гравюру,
Слетите съ небывалаго цвѣтка!.

Въ моей тетради множество стиховъ есть
Про Ваши золотые времена—
И есть одна мучительная повѣсть—
Но будетъ ли понятна Вамъ она?

Такъ слушайте внимательно и чутко
Мои слова и сердца тяжкій стукъ:
Меня не любятъ... слышите, малютка?
Меня не любятъ, милый мистеръ Пукъ!

Увы, мой Эльфъ, тутъ не помогутъ чары
Въ Иванову таинственную ночь.
Вы, прежде такъ легко сводившій пары,
Теперь ни чѣмъ не сможете помочь...

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Какъ тихо все... часы спокойно длятся...
Но вотъ—не искра-ль жалости зажглась,
И вотъ—не чудо-ль—двѣ слезы струятся
Изъ беззаботныхъ шаловливыхъ глазъ...

О, мистеръ Пукъ, слезинки не лѣкарство
И не помогутъ горести моей...
Ну что жъ—прощайте! возвращайтесь въ царство
Чудесныхъ сказокъ и веселыхъ фей.

И не забудьте донести при этомъ,
Вы Оберону, ревностный слуга,
Что были въ бѣдной комнатѣ поэта,
Что видѣли его любви угаръ...

И подъ конецъ, присѣвъ царю на ноготь,
Вы скажете, что въ свѣтѣ есть чудакъ,
Любовь, котораго смогла растрогать
Васъ, мистеръ Пукъ, шутникъ и весельчакъ!

Апрѣль 1919 г.
Москва.

9. ФЕЯ СВЕРЧКА

Посвящается И. Ш.

Трещатъ въ каминѣ весело дрова,
И вѣтеръ тихъ, какъ старенькая шутка...
И все звенятъ знакомыя слова:
,,Я добрый Джонъ, а ты—моя малютка!"

Широкій дворъ снѣгами занесенъ...
Сверчки, ты слышишь, пѣсенку поютъ какъ?
Насъ осѣнилъ прелестный старый сонъ:
,,Я добрый Джонъ, а ты—моя малютка!"

Капризный иней стекла заволокъ,
Но намъ зимы и холода не жутко.
Дай руку мнѣ, мой маленькій сверчекъ!—
,,Я добрый Джонъ, а ты—моя малютка!"

Пускай смѣется старый Тэкльтонъ
И жалитъ ядомъ злобнаго разсудка—
Малютку любитъ добродушный Джонъ—
,,Я добрый Джонъ, а ты—моя малютка"

Дай руку, крошка,—вотъ моя рука,
Мы будемъ вмѣстѣ слушать чутко, чутко
И трескъ веселый дровъ, и пѣснь сверчка...
,,Я добрый Джонъ, а ты моя малютка"

10. ЭПИЛОГЪ

Посвящается кафе
Союза Поэтовъ
Тверская 18. Москва.

Мученья нѣтъ благоговейнѣй
И нѣтъ священнѣе Голгофъ,
Чѣмъ въ этой маленькой кофейнѣ
Читать созвучья четкихъ строфъ.

Въ словахъ томительно напѣвныхъ
,,Про жизнь на дальнемъ берегу",
Ужели разберется евнухъ
Жующій жирное рагу?

Какимъ творцамъ, какимъ поэтамъ
Не вѣдомъ пагубный стрихнинъ,
Давать приправою къ котлетамъ
Свои любимые стихи?

Несясь къ заоблачнымъ орбитамъ,
Ковать размѣренную рѣчь,
И тѣхъ, кто жиренъ и упитанъ,
Съ собой стремительно увлечь.

И такъ восторженно и пылко,
Направить путь за облака,
Чтобы остановилась съ вилкой
Ко рту идущая рука!

Тогда какой-нибудь калѣка,
Увидѣвъ радость, хоть во снѣ,
Въ страну семнадцатаго вѣка
Помчится на моемъ конѣ!

Эй, разверни свой умъ мышиный!
Гляди назадъ! Гляди впередъ!
Не стоитъ-ли любой машины
Пегаса пламенный полетъ!

Такъ умершіе воскресаютъ,
И, безпредѣльно далеки,
Веселой Англіи мелькаютъ
Деревни, рѣки, кабаки!...

Я не смогу остановиться,
Но, обернувшись, я смогу
Захохотать и плюнуть въ лица
Жующимъ жирное рагу!

Май 1919 г.
Кіевъ.

II.

СЛОВА.

Слова... Слова... Слова...
Шекспиръ.

О СЛОВАХЪ.

Александру Соколовскому.

Надеждъ отгорѣвшихъ пепелъ
Не долго, не долго тлѣлъ.
Вина Твоего я не пилъ,
Хлѣба Твоего я не ѣлъ.

Любви никогда не вѣдалъ—
—Что такое любовь?
О, Господи, ты мнѣ не далъ,
Ничего, кромѣ жалкихъ словъ!

Слова, не мысли, а звуки,
Трепещущіе едва...
Повторяю въ томительной скукѣ;
,,Слова... Слова... Слова...''

Есть слова, необходимо важныя,
Безъ которыхъ, кажется, не жить,
Звонкіе, и четкіе, протяжные,
Какъ натянутая нить!.

Сколько надо муки, сколько лживости
Въ тишинѣ тяжелыхъ вечеровъ,
Чтобы на листѣ бумаги вывести
Очертанья зыбкихъ словъ.

Отягченному суровой схимою,
Мнѣ-ль бороться съ гибельной судьбой?
Слово есть одно—неумолимое:
—„Нелюбовь!“

Нелюбовь!... зачѣмъ ты сердце сжалося?
Нѣтъ, не вырвешься изъ цѣпкихъ рукъ!
Ни тоски, ни горечи, ни жалости,
А одинъ короткій звукъ.

Цѣпи насъ оковываютъ крѣпче тѣ,
Что безсильнымъ дѣлаютъ творца...
Неувѣренно и хрупко Вы прошепчете
Какъ устало свѣтъ мерцалъ,

Какъ въ углахъ косыя тѣни падали,
Какъ дрожала нѣга милыхъ глазъ...
Есть слова—но этихъ словъ намъ надо ли?
Эти ли слова для насъ?

Это просто, мудро и естественно:
Счастье тѣсно съ мукою свито.
—Этой ночью пышно и торжественно
Расцвѣтетъ больной цвѣтокъ...

* *
*

„Желѣзная ночь“
К. Гамсунъ.

Душу—осужденную смертницу,
Дождь насквозь изморосилъ.
Небо стремительно вертится
На телеграфномъ столбѣ, какъ на оси.

Качается вверхъ и внизъ оно,
Плюется бѣлесымъ днемъ...
Каждая мысль пронизана
Липкимъ дождемъ...

Казнь... послѣднее шествіе...
О солнце—не ты-ль палачъ?
На башнѣ прошелестѣло 6...
Любимая гдѣ-то плачетъ.

Не надо. Какъ всѣ заботы отбросили
Утрите и эти слезы объ утратахъ...
Бываетъ весна безпощаднѣй осени
И разсвѣтъ безнадежнѣй заката.

Апрѣль 1919 г.

Requiem aeternam.

Если сердце плачетъ и рвется—
Будь послѣднiй между людьми—
Каждый человѣкъ—это Моцартъ,
На одинъ незабвенный мигъ.

Въ мигъ вдохновеннаго взлета,
Зарожденья прекраснѣйшей изъ поэмъ,
Къ каждому явится черный кто-то
И закажетъ послѣднiй Реквiэмъ.

И тогда—подстрѣленныя птицы,
Въ воздухѣ затрепещутъ слова...
Стоитъ ли плакать, томиться,
Задыхаясь, бумагу рвать?

И тогда напрасно въ подушку отъ мукъ Вы
Голову, какъ страусъ захотите зарыть...
Запляшутъ сумасшедшiя буквы.
Сплетаясь въ изломанную нить...

Какъ будто бы кто-то гладко выбрилъ
Земли искаженное лицо,
Человѣкъ застынетъ, какъ колибри,
Предъ взглядомъ гадюки, свернувшейся въ кольцо...

Я самъ свой часъ терпѣливо выжду,
Грызя перо до утра.
Онъ выйдетъ, постучавшись трижды:
Черный цилиндръ, старомодный фракъ...

Станетъ сразу въ комнатѣ тѣсно...
Я покорно склонюсь до земли:
,,—Здравствуйте, господинъ неизвѣстный!
,,Не за моею душою Вы пришли?.

БАЛЛАДА ОБЪ УШЕДШЕЙ ЛЮБВИ.

Посвящается Тамарѣ В-ой.

Великолѣпная зима
Несетъ букетъ сребристо синій.
На небѣ—блеклая сурьма,
И на землѣ—покой пустыни.
И нѣтъ на снѣговой картинѣ
Слѣдовъ былыхъ надеждъ, пропажъ,
И называется пейзажъ:
,,Любовь, которой нѣтъ въ поминѣ".

Узоръ стариннаго письма
Выводитъ кропотливо иней,
И неподвижныхъ тучъ тесьма
Сомкнулась цѣпью четкихъ линій.
Зима-безмолвная святыня
И я, глядя въ цвѣтной витражъ,
Люблю, какъ нелюбимый пажъ,
,,Любовь, которой нѣтъ въ поминѣ"

Мнѣ снится, что она сама
Забыла прежнюю гордыню,
И съ серебристаго холма
Спускается къ моей равнинѣ.
Въ моей душѣ покой отнынѣ,
Я вѣрю въ благостный миражъ,
И берегу, какъ вѣрный стражъ,
,,Любовь, которой нѣтъ въ поминѣ."

ПОСЫЛКА.

Смотрите, другъ, огонь въ каминѣ
Цѣлуетъ хрупкій почеркъ Вашъ...
Такъ тлѣетъ лучшая изъ пряжъ:
,,Любовь, которой нѣтъ въ поминѣ"

ОГЛАВЛЕНІЕ.